

Глава 18

«Дай мне два цзиня рёбрышек, я обменяю на пшеницу! Только осенью убрали — свежая, душистая!»

«Говорят, этот дикий кабан целыми днями носится по горам, мясо у него не такое жирное, как у домашней свиньи. Глянь, какой слой сала тонкий, едва в палец!»

«Да брось! За такую цену ты разве купишь откормленного домашнего кабана? Да ещё и зерном можно расплатиться! Мясо есть мясо!»

«Вот именно! К тому же дикие кабаны постоянно двигаются, поэтому мясо у них плотное, упругое и особенно вкусное!»

...

Весть о том, что семья Шэнь Цина продаёт мясо дикого кабана по дешёвке и ещё и принимает зерно в обмен, разлетелась по деревне как пожар. Вскоре почти вся деревня собралась во дворике у подножия горы. Небо давно потемнело, а люди всё шли и шли, неся с собой фонари и факелы, чтобы купить мяса!

Двоюродная тётушка Лянь одолжила весы в доме деревенского старосты и принесла единственный стол из дома Шэнь Цина к самому входу во двор. Мясо разложили, и началась торговля: одной рукой принимали плату, другой — резали мясо.

Очень скоро у входа выстроилась длинная очередь. Те, у кого средств было поменьше, брали по цзиню или по половине цзиня, просто чтобы домашние могли хоть раз попробовать чего-нибудь сытного. А более зажиточные семьи покупали сразу по три-пять цзиней — всё-таки на зиму нужно было заготовить солонину и вяленое мясо. Купить сейчас, пока дёшево, было выгодно. В холод мясо не испортится, а если каждый день тонко нарезать и жарить с овощами, его вполне хватит до весны.

Шэнь Цин сидел неподалёку и наблюдал. Всем, кто раньше помогал ему и его матери или кто сегодня днём ходил в горы на его поиски, он добавлял по два лян мяса сверх меры. Некоторым ещё доставались потроха или мозговые кости. Тётушки и дядюшки радовались безмерно и без конца хвалили его, называя благодарным и добросердечным ребёнком.

Те же, кто раньше никогда не обращал внимания на Шэнь Цина и Мяо Ши, теперь втайне жалели об этом. Кто бы мог подумать, что этот гер Цин окажется таким способным? Похоже, стоило бы наладить отношения с Мяо Ши, ведь гер Цин каждый день ходит в горы за дровами. Кто знает, когда он ещё одного дикого кабана притащит?

Кабан и так не был взрослым, да к тому же Шэнь Цин заранее снял с него две ноги. Вскоре от туши осталась лишь половина. Те, кто всё ещё стоял в очереди, начали нервничать, боясь, что им не достанется мяса. Двоюродная тётушка Лянь позвала на помощь мужа и своего младшего брата, Лянь Оу. Все они были сноровистыми — взвешивали зерно, резали мясо и принимали плату.

Даже маленькая Лянь Жун пришла вместе со всеми. Она где-то раздобыла свиной пузырь, набрала в него воды и весело играла у входа во двор с другими детьми. Во дворе было светло илюдно, так что взрослые не возражали против детской беготни.

Из-за раненой руки Шэнь Цина Мяо Ши и двоюродная тётушка Лянь запретили ему таскать

тяжести. Оставшись без дела и смущённый бесконечными похвалами тётушек и дядюшек, Шэнь Цин почесал нос, взял переднюю ногу кабана и тихонько направился к выходу.

«Иди, только быстро возвращайся. Ужин уже готовится, скоро можно будет есть», — сказала Мяо Ши. Сын трудился весь день и был ранен — ему нужно было как следует поесть. Она уже нарезала жирное мясо тонкими ломтиками, замариновала его в масле и поставила на пару вместе с квашеной снежной зеленью.

Все лепёшки, которые Шэнь Цин брал с собой в горы, он отдал Сун Кайцзи. Значит, за весь день он так ничего и не съел. Почувствовав слабый аромат, он вдруг ощутил пустоту в желудке, кивнул и ускорил шаг.

В доме деревенского старосты ужин только что закончился. Жена старосты была в кладовой и поторапливала младшего сына, чтобы тот собирал зерно.

«Шевелись быстрее! Я только что видела, как куча народа побежала менять зерно на мясо — опоздаем, и ничего не останется! Эх, надо было попросить двоюродную тётушку Лянь отложить мне хорошие куски, когда она приходила за весами!»

Деревенский староста Чжао был во дворе, он кормил скот. У их семьи имелся крепкий синий мул, для пахоты он, конечно, уступал быку, зато для перевозок подходил отлично. Его часто сдавали в аренду соседним деревням и получали дополнительный доход.

«Я же говорил тебе пойти пораньше, а ты всё тянула до ужина. А теперь боишься, что опоздаем».

Подняв голову, староста заметил подходящего Шэнь Цина и слегка удивился: «Гер Цин, что ты здесь делаешь?»

Жена старосты, занятая мыслями о мясе, тут же выскочила из кладовой: «Гер Цин, ты пришёл?»

Шэнь Цин вошёл во двор и поприветствовал их: «Дядя Чжао, тётя Гуйсян. Сегодня в горах я добыл дикого кабана. Мы очень благодарны дяде Чжао за то, что вы поступили справедливо, когда моя мама разводилась. Теперь мы с матерью живём отдельно и мало чем можем отплатить за ту доброту, поэтому я принёс эту свиную ногу в знак благодарности».

Он намеренно не стал обращаться к нему «деревенский староста» и сказал по-домашнему, подчёркивая близость.

Чжао Юдан неловко потёр нос. Если честно, он не считал, что тогда действительно отстоял справедливость. Да, он помог Мяо Ши добиться положенной компенсации, но всё же уберёт Шэнь Чжигао от заслуженного наказания...

А вот у Гуйсян таких сомнений не было. Она боялась, что им не достанется мяса, а тут Шэнь Цин сам принёс к их порогу отличный свиной окорок. Обрадовавшись, она уже потянулась его взять, но вдруг замешкалась.

«Ой, гер Цин, это слишком щедро! Вам самим сейчас тяжело, как мы можем просто так взять целую свиную ногу? Скажи, сколько зерна за неё нужно, я заплачу сколько положено! Уже и так большая любезность — приберечь для нас такой хороший кусок». Она обернулась и крикнула в дом: «Быстро, готовь зерно!»

Шэнь Цин поспешно остановил её: «Не нужно, тётя. Эта свиная нога — подарок вам и дяде Чжао, никакого зерна не надо. Но у меня есть одна просьба. Я заготовил много дров и хочу до Нового года завезти их в уезд на продажу. Хотел бы одолжить вашего мула. Сегодня в горах я повредил руку, самому носить будет тяжело».

Дело было пустяковое, и семья старосты согласилась без сомнений. Обычно они сдавали телегу за десять медяков в день, этого едва ли хватало на то, чтобы купить цзинь свинины. А тут Шэнь Цин предлагал целую свиную ногу!

«Конечно! Забирай когда угодно! Сегодня вечером мы накормим мула, чтобы он был в силе. Завтра утром пораньше приходи и забирай. И впредь, если понадобится помощь, просто скажи!»

Шэнь Цин отказался от зерна, сославшись на то, что дома его ждёт ужин, и быстро убежал. Гуйсян сияла, прижимая к себе свиную ногу.

«Ты столько людей в деревне выручал, а по-настоящему помнит об этом только гер Цин. Вот уж правда хороший ребёнок».

Староста подсыпал корма мулу и сказал: «Всего лишь свиная нога — и ты уже так растрогалась?»

«Всего лишь?» — брови Гуйсян взлетели вверх. Она тут же начала доказывать: «Скажи мне, сколько лет ты уже староста? Хоть кто-нибудь за всё это время приносил тебе такой подарок? Взять того же Шэнь Чжигао — опозорился на всю округу. По деревенским правилам его следовало высечь, а ту Ли Цзяофэн — выгнать вон! Но ты простил их. И что? Они хоть раз сказали спасибо? Нет! Да они, небось, тебя ещё и ненавидят!»

Чем больше она говорила, тем сильнее распалялась. Она потрясла свиной ногой у него перед носом и сказала: «Нашей семье не мяса не хватает — нам уважения не хватает! Если бы мой отец был жив и по-прежнему был старостой, посмела бы семья старого Шэня так себя вести?»

Староста покраснел и не нашёл, что ответить. Всё, что она сказала, было правдой.

А их младший сын, которого только что в очередной раз отчитали за медлительность, мол, и тут он уступил геру Цину, втайне злобно выругался: «Ну зачем этот Шэнь Цин сюда припёрся?! Ненавижу! Настоящее проклятие для всех деревенских пацанов!»

Не подозревая об этих разговорах, Шэнь Цин спешил домой. Но едва он ушёл, как в его дворе разразилась беда!